

МАКСИМ ВАЙЛЕС

ОСТАВЛЯЮ СЕБЕ

ДО ПЕРВОЙ СДЕЛКИ

Максим Вайлес

Оставлю себе. До первой сделки

«Автор»

2026

Вайлес М.

Оставляю себе. До первой сделки / М. Вайлес — «Автор», 2026

Максим уверен, что успеет закончить выпускную работу, если ему хотя бы несколько дней никто не будет мешать. Лина с ним почти согласна — только неплохо бы ещё спать, завтракать и иногда выходить из кабинета. Но незадолго до выпуска в университетской коллекции начинают происходить странности. Артефакт, который вчера работал в руках Максима, сегодня не отзывается ни на одно прикосновение. А у Максима как раз есть способность гасить чужую магию. Он знает, что ничего не делал. Лина ему верит. Только для преподавателей этого недостаточно, а времени до защиты остаётся всё меньше. До событий романа «Оставляю себе» ещё есть время. Пока Максим и Лина заканчивают пятый курс и рассчитывают, что самое трудное останется позади вместе с экзаменами. Если, конечно, им удастся разобраться с тем, чему их никто не учил.-----Данная книга является прологом серии книг: "Оставляю себе" и рассказывает о жизни Максима и Лины до событий основной истории

Содержание

Пролог	6
То что остаётся после занятий	6
Глава 1	8
До понедельника	8
Глава 2	11
Не всё что спрятано	11
Глава 3	15
Чужая подпись	15
Глава 4	19
Вторая вещь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Максим Вайлес

Оставлю себе. До первой сделки

Оставлю себе
До первой сделки
Максим Вайлес
16+

Пролог

То что остаётся после занятий

В тот день, когда на двери практического кабинета появилось объявление о переезде, Максим впервые увидел, как заведующая ищет ключи без магии.

Она стояла посреди коридора, прижимая к себе три папки, и по очереди проверяла карманы. Из правого вынула платок, из левого — ещё один ключ, который внимательно осмотрела и с некоторой обидой убрала обратно.

— Верес, вы здесь давно?

— Минут двадцать.

— И никто не выходил?

Максим покачал головой. За стеклянной дверью кабинета было темно, и только на дальнем столе горел огонёк учебной лампы. Он приходил раньше остальных именно из-за этой лампы: в библиотеке по утрам ещё мыли пол, а здесь можно было спокойно поработать, пока не начинались занятия.

Заведующая переложила папки под другую руку.

— Странно. Я же вчера их сюда положила.

Она снова сунула ладонь в карман, а Максим невольно посмотрел на медное кольцо у себя на пальце.

— Как выглядит связка?

— Три ключа, зелёный шнурок. На одном красным лаком... Вы сейчас что собираетесь делать?

— У меня кольцо для поиска. Если вы покажете такую же заготовку, я попробую.

— А, кольцо. Я думала, вы своей способностью.

Она сказала это без особого выражения, но Максим всё равно убрал руку с подоконника.

За пять лет в университете он привык, что люди сначала смотрели на его ладонь, а уже потом вспоминали, что он вообще-то не обязан немедленно лишать их магии. Иногда ему хотелось однажды не опустить руку, а просто подождать и посмотреть, сколько человек в коридоре заметит, что ничего не произошло. Но к концу последнего курса даже эта маленькая месть казалась слишком хлопотной.

— Ключи у вас под папкой, — сказала Лина за его спиной.

Она подошла от лестницы с двумя стаканами кофе, а между подбородком и плечом удерживала телефон. Заведующая приподняла верхнюю папку, и зелёный шнурок свесился из сгиба.

— Вот ведь... Спасибо, Орель.

— Пожалуйста.

Лина дождалась, пока женщина отвернётся к замку, и протянула Максиму один из стаканов.

— Не пей сразу. Там крышка плохо держится.

Он взял кофе обеими руками. На её пальцах остались синие пятна, и под ногтем большого пальца виднелась тонкая полоска краски.

— Ты опять у них подписывала коробки?

— Утром обещали дать нормальные наклейки, а дали маркер, который течёт. Я теперь поисковик с очень заметным следом.

Она провела костяшкой по краю объявления, хотя бумага и без того была приклеена ровно.

«В связи с освобождением помещений практическая коллекция подлежит переносу. Выдача предметов прекращается с понедельника».

Внизу стояла дата, до которой оставалось четыре дня.

Максим прочёл объявление ещё раз. Всю неделю он собирался попросить разрешения взять брошь с защитным щитом для выпускной работы, но каждый раз находилось что-нибудь более срочное: то руководитель возвращал расчёты, то в деканате требовали ещё одну копию документа, который уже лежал у них в папке.

— Успеешь, — сказала Лина.

— Что?

— Ты сейчас так на дверь смотришь, будто брошь уже вывезли.

Заведующая наконец открыла кабинет и включила свет. Лампа на дальнем столе продолжала гореть своим ровным жёлтым огнём. Рядом с ней лежал раскрытый журнал, а на белом подносе стояла кружка с прилипшим к краю чайным пакетиком.

— Не стойте на проходе. Только сегодня без самостоятельных проверок, мне ещё выдачу оформлять.

Она положила папки на стол, села и потянулась к журналу, но Лина уже остановилась возле ближнего шкафа.

Дверца была прикрыта неплотно. Изнутри торчал угол серого упаковочного войлока.

— Вы вчера здесь что-нибудь перекладывали?

— Конечно перекладывала. Вы же сами помогали.

— Я этот шкаф не трогала.

Заведующая подняла голову.

Лина осторожно оттянула войлок, и дверца открылась. На верхней полке вместо трёх рядов футляров стояли два, а в освободившемся месте лежала небольшая жестяная коробка с привязанной биркой. Максим видел её впервые.

— Это из старой кладовой, — сказала заведующая. — Всё, что не вошло в основную опись. Вчера принесли, когда вас уже не было.

Максим подошёл ближе, но Лина придержала его за рукав, чтобы он случайно не задел открытую дверцу.

На бирке было написано: «Не гасить до окончания осмотра».

Он оглянулся на учебную лампу.

— А её почему оставили на ночь?

Заведующая посмотрела в ту же сторону и нахмурилась.

— Я её выключала.

Лина поставила кофе на свободный край стола. За окном медленно поднималось солнце, и огонёк уже почти терялся в утреннем свете, но теперь Максим не мог перестать на него смотреть.

— Можно я проверю выключатель?

— Только руками, Верес. Без ваших опытов.

Он кивнул, подошёл к столу и повернул маленькое колёсико на основании лампы. Оно двигалось туго, со знакомым сухим щелчком. Пламя исчезло.

Заведующая вернулась к журналу.

— Ну вот. Наверное, вчера не до конца...

Она не договорила, потому что лампа зажглась снова.

Максим по-прежнему держал пальцы на выключателе.

Лина молча пододвинула его кофе подальше от края.

Глава 1

До понедельника

Через полчаса выяснилось, что лампу можно погасить, если вынести её в коридор, и что это совершенно не радует заведующую.

— Мне её теперь здесь держать? — спросила она, глядя, как Максим ставит лампу на подоконник между засохшим цветком и расписанием консультаций. — А если кто-нибудь унесёт?

— Пока давайте оставим у вас на виду.

— У меня на виду сегодня двести предметов. И вы двое.

Лина придерживала дверь, а в другой руке несла раскрытый журнал. На нужной странице обнаружилось четыре записи о лампе, причём последняя была сделана ещё до их поступления. Огонь не требовал топлива, стекло оставалось холодным, а свет не менялся от сквозняка. Внизу другой рукой было приписано: «Выключатель заедает».

— Может, он с тех пор так и заедает, — сказала заведующая.

— Тогда она и здесь должна была снова загореться, — ответила Лина.

Максим выждал ещё немного и повернул колёсико в другую сторону. На фитиле появился жёлтый язычок. Он дал ему разгореться, затем снова выключил лампу.

В коридоре она работала как положено.

— Давайте пока не ставить ничего из старой кладовой в основные шкафы, — сказал он.

— Хотя бы до того, как посмотрим опись.

— Там половина вещей обычная. Пустые футляры, подставки...

— Значит, обычные сразу уберём.

Заведующая посмотрела на него поверх очков.

— Вы же за брошью пришли?

— За ней тоже.

— Вот и занимайтесь своей работой, а с этим я разберусь.

Она забрала лампу и понесла её к себе в кабинет. Максим хотел напомнить, что сначала следовало бы записать, где именно та стояла, но Лина легонько ткнула его журналом в бок.

— Не начинай. Она со вчерашнего утра одна всё это разбирает.

Они вернулись в практический кабинет. Кофе успел остыть, и крышка на стакане Максима всё-таки потекла: на столе расплзлось тёмное пятно. Он вытер его салфеткой, а Лина тем временем взяла со стула свою сумку.

— Ты уже уходишь?

— У нас в десять разбор маршрутов. А потом мне ещё в учебную часть, потому что на фотографии у меня недостаточно видно ухо.

Максим посмотрел на её волосы.

— Какое именно?

— Я не стала уточнять. Вдруг они ещё второе найдут.

Она поправила ремень и кивнула на шкаф.

— Ты только не торчи здесь до вечера. Если заберёшь брошь, напиши, что у неё в описи. Я потом посмотрю.

— Тебе свою работу сдавать.

— Поэтому я и сказала «потом».

Лина ушла, а он ещё некоторое время слышал её шаги в коридоре. Возле лестницы кто-то окликнул её, и по тому, как изменился голос, Максим понял, что встретился человек, кото-

рому она рада. Он прислушался, пытаясь узнать второго, но тут из соседнего кабинета позвала заведующая.

На столе перед ней уже лежал футляр с брошью.

— Расписывайтесь здесь. И дату полностью.

Максим сел, придвинул к себе журнал и проверил номер предмета. Брошь выглядела дороже большинства вещей в учебной коллекции: серебристая оправа, прозрачный камень размером с ноготь и тонкая булавка с дополнительным замком. Если прижать камень большим пальцем и удерживать его несколько секунд, перед владельцем раскрывался щит.

Ему нравилось, что у щита было столько неудобных мелочей. Он уходил влево, если застегнуть брошь на мягкой ткани, вздрагивал при резком повороте плеча и не сразу возвращался после повторного включения. В хорошем аукционном каталоге всё это уместилось бы в строчку о необходимости обслуживания, а Максим хотел разобраться, что именно зависело от оправы и что — от того, кто её носил.

— Только без разборки, — напомнила заведующая.

— Я помню.

— И без ударных испытаний. Ваш руководитель уже спрашивал.

— Я не собирался по ней бить.

— По щиту тоже не надо.

Он поднял глаза, но женщина уже пододвинула ему второй лист.

В приложении перечислялось всё, чего с брошью делать не разрешалось. До последней строчки Максим дочитал с некоторым унынием: получалось, что наиболее уверенно её можно было хранить.

— А на столе закреплять можно?

— Через тканевую прокладку. И покажете, как.

Она проводила его обратно, дождалась, пока он достанет из сумки складную подставку, и только после этого отдала футляр. Максим разложил рабочий коврик, проверил мягкую накладку на зажиме и установил брошь так, чтобы булавка не касалась металла.

Камень отозвался почти сразу. Из его середины вытянулась бледная полоска света, расправилась и замерла над столом. Щит был чуть выше вытянутой руки и казался прозрачным, пока Максим не посмотрел сквозь него на клетчатую обивку соседнего стула. Линии на ткани немного разошлись, словно стул виделся через воду.

Заведующая обошла стол.

— До лампы не достаёт?

— Если подставку не двигать, не достанет.

— Тогда работайте. Я буду рядом.

Когда она вышла, Максим наконец выдохнул. Он оставил щит раскрытым, записал время и заметил, что верхний край едва ощутимо колыхнется от его дыхания.

Через сорок минут пришёл Тим.

Он опоздал на консультацию, о которой забыл, и теперь искал преподавателя, чтобы объяснить, почему не успел предупредить. При этом называть настоящую причину он, судя по всему, не собирался.

— Как думаешь, если сказать, что в трамвае заклинило двери?

— Он ездит на том же маршруте.

— Жалко. Хорошая была причина.

Тим поставил рюкзак на стул, заглянул в записи и наклонился к щиту.

— А он сильный?

— Для учебного — вполне.

— Можно потрогать?

— Лучше не надо.

Тим остановил руку.

— Я спросил вообще-то.

Максим отложил карандаш.

— Извини. Мне уже три раза объяснили, чего с ним делать нельзя.

— А, тогда понятно. Я бы четвёртый раз тоже не выдержал.

Он сел на край стула и некоторое время молчал, разглядывая шкафы. Внутри ещё оставались старые таблички с названиями групп, которые закончили университет задолго до них. На одной карандашом было написано «не работает», а рядом более свежими чернилами — «работает, читайте условия».

— Слушай, а ты после выпуска куда?

Максим поставил в блокноте точку.

— Пока не решил.

— Мне в мастерской место предлагают. Не оценщиком, конечно, а приёмку вести. Но там хоть платят сразу.

— Ты же хотел к брату?

— Брат тоже хочет, чтобы я к нему. Особенно когда нужно бесплатно разгрузить машину.

Тим улыбнулся, но Максим заметил, как тот потянул за оторвавшуюся нитку на лямке. На последнем курсе они стали чаще говорить о работе, и почти каждый разговор сначала звучал легко, а потом почему-то обрывался.

— В приёмке тоже можно научиться, — сказал Максим. — Если дадут посмотреть заключения, а не только заполнять квитанции.

— Вот. Я примерно так маме и объяснил.

Тим поднялся, не убирая рюкзак со стула.

— Пойду всё-таки поищу его. Если спросят, я у тебя консультировался.

— По чему?

— По дальнейшему трудоустройству. Мы же только что этим занимались.

Когда дверь закрылась, Максим снова посмотрел на щит. Его край дрожал в том же месте, что и раньше, но теперь движение казалось более заметным. Он проверил зажим, затем положил ладонь на стол, чтобы не тянуться к оправе раньше времени.

У него оставалось три недели до последнего экзамена и чуть больше месяца до выдачи диплома. Срок ещё недавно казался достаточным, а теперь в него почему-то не помещались даже планы на следующую среду.

Он дописал наблюдение, снял брошь с подставки и убрал в футляр.

В журнале выдачи нужно было указать не только время возврата, но и состояние предмета. Максим написал: «Щит раскрывается. Повторная активация без изменений».

Заведующая поставила рядом свою подпись и вернула брошь на среднюю полку.

Жестяная коробка из кладовой стояла над ней, с краю. Кто-то уже развернул бирку надписью к стенке.

Глава 2

Не всё что спрятано

В понедельник Лина пришла на практический экзамен с новой фотографией и старым желанием послать всё куда-нибудь подальше.

Максим заметил её ещё у лестницы. Она поднималась быстро, придерживая сумку на плече, а в свободной руке несла прозрачную папку. На повороте остановилась пропустить двух рабочих с длинной доской и только тогда увидела его возле окна.

— Ты чего здесь?

— У меня консультация в соседнем корпусе.

Лина посмотрела на часы над дверью, затем на закрытую папку у него под мышкой.

— Через полтора часа?

— Я хотел раньше позаниматься.

— Ну конечно.

Она встала рядом и положила документы на подоконник. Одну фотографию успела приклеить, а вторая осталась в маленьком бумажном конверте. Максим подвинул свой блокнот, освобождая ей место.

В коридоре было душно. В старой части корпуса ещё не включили вентиляцию, а два окна заклеили крест-накрест полосами бумаги, потому что ниже перекладывали карниз. Кто-то из студентов уже пробовал открыть третье и теперь оставил возле ручки согнутую линейку.

Лина взялась за раму.

— Не открывается, — сказал Максим.

Она приподняла створку, толкнула её плечом, и в коридор вошёл прохладный воздух.

— Значит, для меня открывается.

Он убрал со стола лежавший у окна лист, пока его не унесло.

— Ты так и будешь здесь стоять?

— А что мне ещё делать? В аудиторию пока не пускают.

— Я могу поспрашивать тебя.

— Макс, если ты сейчас начнёшь, я забуду даже собственную фамилию.

Лина отвернулась к окну. Внизу по двору шёл мужчина в жилете ремонтной службы и нёс ведро, из которого не проливалась вода, хотя оно было наклонено почти на бок. Она посмотрела ему вслед, пока тот не скрылся под козырьком.

— Ладно, спроси что-нибудь простое.

Максим закрыл папку.

— С чего начинаешь осмотр?

— С подхода к помещению. Дверь, следы вскрытия, предупреждающие знаки, посторонние звуки и запахи. Если есть основания считать вход опасным, то внутрь не захожу, отмечаю причину и вызываю ответственного.

— Хорошо. А если ничего не нашла?

— Ищу дальше.

— Время закончилось.

Она обернулась.

— Пишу, что ничего не нашла.

— Что именно пишешь?

Лина провела пальцем по сгибу папки.

— Что не обнаружила подтверждённых признаков. Макс, я это знаю.

— Знаю, что знаешь.

Он хотел сказать ещё кое-что, но в этот момент возле аудитории появилась женщина со списком и начала называть фамилии. Лина подняла папку, услышала свою и пошла к двери, а через несколько шагов вернулась.

— Я после экзамена буду очень неприятная.

— Ты сначала сдай.

— Нет, я тебя предупреждаю, чтобы ты потом не удивлялся. И поесть захочу.

— С сыром?

Она кивнула и на этот раз улыбнулась.

Максим проводил её взглядом, затем всё-таки открыл свои записи. Первую строчку пришлось прочитать дважды, потому что из аудитории доносился голос преподавателя, который объяснял порядок выдачи конвертов.

Лине достался третий этаж старого учебного крыла.

Там пахло мокрой штукатуркой и тёплой пылью, а на полу лежали дорожки из плотного картона. В коридоре стояли четыре пронумерованные двери. Возле второй была приклеена табличка «Вход по разрешению сопровождающего», но сопровождающая сразу указала на первую.

— Ваш сектор — комнаты с первой по четвёртую. В закрытые шкафы не заглядывать, ничего не разбирать. На осмотр девяносто минут, включая оформление.

Лина проверила время на телефоне и убрала его в сумку.

Первую комнату она прошла медленно, стараясь не задерживаться на очевидных вещах. Пустой стол, три стула, свёрнутый ковёр и высокая вешалка, которая качнулась, когда за спиной закрыли дверь. На столе лежала стеклянная чернильница с засохшим тёмным кольцом внутри. Лина отметила её в схеме, но не стала сразу брать в руки.

На втором курсе она бы начала именно с чернильницы. Та выглядела достаточно старой и достаточно ненужной, чтобы преподаватель непременно спрятал в ней что-нибудь интересное. Теперь Лина сначала посмотрела на пол под столом, на следы от ножек и на пыль возле стены. Здесь недавно передвигали мебель, причём один стул принесли уже после уборки: за его задней ножкой остался чистый полукруг.

Она записала это и пошла дальше.

Во второй комнате сохли оконные рамы, прислонённые к стене. На подоконнике стояла кружка, а рядом с ней лежала жестяная крышка, покрытая ржавыми точками. Лина осмотрела крышку, понюхала воздух возле окна и присела, чтобы проверить щель под батареей. Ничего, что можно было бы назвать проявлением, она пока не увидела.

В третьей комнате нашлась пуговица.

Она лежала посреди пустого пола, почти у самого порога, и была такой белой на сером картоне, что Лина невольно остановилась. Потом оглянулась на сопровождающую.

Женщина стояла в коридоре и смотрела в свой список.

Лина вернулась к пуговице. Сначала сфотографировала её на месте, затем измерила расстояние до двери и только после этого подняла пинцетом за край. Пуговица была лёгкой, пластмассовой, с обломанным ушком. Никакого необычного отклика она не дала.

Зато на её нижней стороне оказался свежий след штукатурки.

В четвёртой комнате Лина нашла куртку, перекинутую через спинку стула. На манжете не хватало одной белой пуговицы.

Она долго смотрела на рукав, чувствуя, как ей становится жарко.

На весь осмотр уже ушло тридцать семь минут. Если это была подсказка, она ничего не поняла, а если обычная потерянная пуговица — слишком много времени потратила на то, чтобы найти к ней куртку.

Из-за окна донёсся стук, и Лина вздрогнула.

Снаружи на лесах работал человек. Он отдирает от рамы засохшую краску и время от времени постукивал ручкой инструмента по подоконнику. Лина подождала, пока он заметит её, показала на стекло и жестом спросила, можно ли открыть.

Мужчина пожал плечами.

— Только осторожно, там гвоздь торчит, — сказал он, когда створка отошла.

— Куртка ваша?

Он заглянул в комнату.

— Моя. А что?

Лина показала пуговицу.

— Вот спасибо. Я её уже второй день пришить собираюсь.

Он взял находку, а она записала, кому передала предмет, и отошла от окна. В голове настойчиво вертелась мысль, что преподаватель не мог выдать ей четыре пустые комнаты. Для чего тогда экзамен? Чтобы она полтора часа искала чужую фурнитуру?

Но Максим задал свой вопрос не случайно.

Лина снова открыла план. Возле чернильницы стоял маленький знак вопроса, возле вешалки — ещё один. Ей очень хотелось обвести хотя бы один из них и написать уверенное заключение. Тогда можно было бы выйти в коридор с находкой, показать, что она умеет, и не ловить взгляды остальных.

Она убрала карандаш и начала осмотр заново.

На этот раз проверяла не то, что казалось загадочным, а то, что могла подтвердить. Воздух возле окон оставался обычным. Свет от лампы менялся, когда проходивший снаружи рабочий заслонял стекло. Чернильница не ответила ни на стандартную карточку, ни на повторную проверку после того, как Лина переставила её на чистую поверхность. Вешалка качалась из-за короткой ножки; подложенный кусок картона решил её единственную тайну.

Когда до окончания осталось двенадцать минут, Лина села за стол и начала писать отчёт.

В графе «Обнаруженные артефакты» она поставила прочерк, но перед тем, как отдать лист, всё-таки ещё раз посмотрела на чернильницу.

Сопровождающая сверила время, приняла документы и попросила ждать у аудитории.

Максим сидел там же, только теперь у него на коленях лежал бумажный пакет. Он поднял голову, едва Лина вышла из-за поворота.

— Ну как?

Она забрала пакет, села рядом и некоторое время разворачивала загнутый край, хотя могла просто порвать бумагу.

— Ничего не нашла.

Максим подождал.

— Вообще ничего, — добавила она. — Четыре комнаты. Старая чернильница, куртка и вешалка с кривой ногой. Даже не знаю, что из этого обиднее.

— Ты всё записала?

— Записала. Только если там всё-таки что-нибудь было, мне за это не станет легче.

Он не начал её успокаивать, и за это Лина была ему благодарна. Она откусила булочку, почувствовала тёплый сыр и только тогда заметила, как сильно устала.

Через двадцать минут её вызвали.

Преподаватель сидел за столом у окна. Перед ним лежала её схема, а рядом — фотография чернильницы.

— Почему не указали её в заключении?

— Указала как проверенный предмет. Признаков артефакта не обнаружила.

— А вам не показалось, что она стоит слишком заметно?

Лина сжала пальцы на коленях.

— Показалось. Поэтому я проверила её дважды.

Он повернул к себе следующий лист.

— Пуговицу зачем описывали?

— Потому что подняла её и передала владельцу. Нужно было отметить, что изменилось во время осмотра.

Преподаватель посмотрел на неё, и она впервые за весь разговор не стала отводить глаза.

— Хорошо. На дополнительную практику по условиям хранения сможете выйти со среды?

Лина не сразу поняла, что её уже не спрашивают о чернильнице.

— А экзамен?

— Сдали вы экзамен. Я про практику спрашиваю. Кабинет перевозят, поисковики нужны на предварительный осмотр помещений. Ваш отчёт мне подходит.

Она вышла через три минуты, держа в руке лист с отметкой, а Максим уже стоял у окна и убирал свои бумаги в папку.

Лина подошла, забрала у него недоеденную половину булочки и только потом сказала:

— Оказывается, сегодня действительно ничего не было.

— Совсем?

— Совсем. А я чуть не написала им целую биографию чернильницы.

Он улыбнулся, и она ткнулась лбом в его плечо, ненадолго закрыв глаза. Через ткань рубашки чувствовалось тепло, а у него под рукой неудобно шуршала папка, но отходить пока не хотелось.

— Дай минуту, — попросила Лина. — Сейчас пойдём.

Максим осторожно переложил папку в другую руку.

Глава 3

Чужая подпись

В среду брошь не заработала.

Сначала Максим подумал, что слишком сильно затянул зажим. Он ослабил его, поправил тканевую прокладку и попробовал снова, но камень под пальцем оставался холодным. На краю рабочей карточки проступила тонкая полоска, а щит так и не появился.

За окном разгружали машину. Рабочие передавали друг другу пустые коробки, и каждый раз, когда очередная падала на асфальт, Максим невольно поворачивался на звук. Он закрыл форточку, убрал со стола всё лишнее и ещё раз сверил номер броши с записью в журнале.

Номер совпадал.

В понедельник он работал с ней почти два часа. Щит раскрывался немного медленнее, чем в пятницу, но тогда Максим решил, что дело в другой подставке, и отметил это в своих записях. Перед возвратом они с заведующей проверили брошь вместе, после чего та подписала журнал и убрала футляр в шкаф.

С тех пор предмет никому не выдавали.

Максим посмотрел на дверь. До прихода заведующей оставалось минут десять, и он уже успел представить, как будет объяснять ей неисправность. Хуже всего было то, что ему самому пока нечего было объяснять.

Он снял брошь с подставки и положил на ладонь.

— Ты хоть завтракал? — спросила Лина.

Она вошла так тихо, что он заметил её только возле стола. На большом пальце у неё снова осталась синяя краска: утром она подписывала коробки в соседнем помещении.

— Потом позавтракаю.

— Ты вчера тоже собирался потом. Держи, я тебе взяла.

Лина положила возле его локтя булочку в бумажном пакете, но он лишь подвинул её подальше от рабочего коврика. В понедельник щит держался, а сейчас из оправы не удавалось вытянуть даже тусклой полоски света.

Она наклонилась к столу.

— Может, хватит пока? Ты его с утра мучаешь.

— Я только два раза попробовал.

— Это только при мне — два.

Максим поднял на неё глаза, собираясь возразить, но Лина уже протянула ладонь.

— Давай я подержу, а ты поешь. Если эта штука работает, позову.

Он помедлил, но всё-таки отдал ей брошь и потянулся к пакету. Булочка была ещё тёплой, хотя сыр уже успел приклеиться к бумаге.

Лина попробовала вызвать щит сначала так, как он показывал, а затем переставила пальцы. Максим прожевал, дождался третьей попытки и встал.

— Я выйду в коридор.

Она посмотрела на него.

— Ты же не включал своё поле.

— Хочу проверить.

Он отошёл к двери, оставив булочку на салфетке. В коридоре пахло кофе из преподавательской, и где-то за лестницей смеялись. Максим прислонился к стене так, чтобы не видеть стол через стекло, и стал ждать.

Его способность всегда требовала внимания. Нужно было удерживать небольшой участок перед собой и чувствовать, где заканчивается чужая магия, а начинается всё остальное. В университете ему разрешали тренироваться только на специально отведённых предметах и под наблюдением, поэтому причин сомневаться в простом правиле у него прежде не было: перестал удерживать поле — магия возвращается.

Но брошь почему-то молчала, и он уже был готов подозревать себя даже в том, чего не делал.

Лина приоткрыла дверь.

— Всё так же.

— Подожди ещё минуту.

— Макс, если бы ты случайно её погасил, она бы уже вернулась.

— Я знаю.

Она кивнула и ушла к столу. Он выждал ещё, посмотрел на часы и только после этого вернулся.

Лина держала брошь над ковриком, а рядом лежала рабочая карточка. Полоска у её края стала бледнее, чем раньше.

— Это твоя или кабинетная?

— Кабинетная. Твоя в чехле.

Максим достал свою, поднёс к оправе и увидел такой же слабый отклик.

Он хотел сказать, что надо попробовать в другом помещении, но в кабинет вошла заведующая.

— Вы уже начали? Отлично, мне сегодня...

Она остановилась, увидев их лица.

Максим положил карточку на стол.

— Брошь не раскрывает щит. Утром получил её из шкафа, с тех пор не сработала ни разу.

Заведующая поставила сумку на стул.

— Вы что-нибудь меняли?

— Только положение на подставке. Оправа целая, булавка тоже. Мы попробовали без зажима, результат тот же.

Она взяла брошь, поднесла ближе к очкам и провела ногтем вдоль края камня. Максим невольно следил за каждым движением: ему казалось, что она сейчас заметит царапину, которой он не увидел, и тогда уже не будет смысла объяснять, как осторожно он работал.

— Верес, а вы на неё своей способностью не воздействовали?

— Нет.

— Даже на минуту? Иногда студенты проверяют одно, а выходит...

— Я её не гасил, — повторил он. — И на прошлой неделе не гасил. У меня в работе другие проверки.

Заведующая помолчала.

— Я должна была спросить.

— Я понимаю.

Он понимал, но всё равно почувствовал, что ответил резче, чем хотел. Лина придвинула к женщине журнал, раскрытый на понедельник.

— Вот последняя проверка. Вы были здесь, когда он сдавал.

— Я помню, Орель. Не надо мне показывать мою подпись.

Лина убрала руку, а Максим взял со стола блокнот.

— Давайте я запишу всё по времени. Когда забрал, что делал, сколько пробовали. Потом можем повторить в другом кабинете. Только уже втроём, чтобы не возвращаться к этому ещё раз.

Заведующая посмотрела на него и медленно опустилась на стул.

— Садитесь. Рассказывайте с самого начала.

Пока он говорил, Лина разложила рядом две карточки и нарисовала положение броши на подставке. В первый раз за утро Максим смог спокойно вспомнить, что именно делал, а что только собирался сделать. Он отметил, когда открывал окно, когда ослаблял зажим и сколько времени провёл в коридоре. По отдельности всё выглядело обычным, и от этого происходящее казалось ещё неприятнее.

Заведующая выслушала, затем проверила брошь сама. Щит не появился.

— Оставьте её у меня, — сказала она. — До осмотра больше не трогать. Я позвоню вашему руководителю.

Максим закрыл блокнот.

— Можно я пойду с вами?

— Куда?

— Когда будете проверять. Я хочу увидеть, что у неё изменилось.

Она посмотрела на оставшуюся на салфетке булочку и подвинула её ближе к нему.

— Сначала доешьте. Вы с этим камнем скоро сами перестанете работать.

Лина дождалась, пока дверь за ней закроется, и тихо выдохнула.

— Ты нормально?

— Пока не знаю.

Он сел, но к еде не притронулся. Перед глазами всё ещё стояла строчка в журнале: «Повторная активация без изменений». Его почерк был ровным, а подпись заведующей заходила на край следующей клетки.

Лина взяла свой телефон, проверила сообщение и начала собирать сумку.

— Мне надо в третью аудиторию. У нас осмотр помещения перед перевозкой.

— Да, иди. Я здесь разберу записи.

Она задержалась возле стула.

— Я не потому, что...

— Лин, я понял. У тебя своя работа.

Она посмотрела на него, затем забрала со стола пустой кофейный стакан и кивнула.

Через час Максим ушёл на консультацию. Руководитель выслушал его, задал несколько вопросов о хранении и попросил пока не переписывать выпускную работу. У Максима уже было достаточно наблюдений, чтобы описать устойчивый щит, а исчезнувшее свойство без причины ничего не добавляло к выводам.

— Но причина-то есть, — сказал Максим.

— Конечно есть. Только на защите вам понадобится не уверенность в этом, а проверка.

На обратном пути он купил в автомате воду и обнаружил сообщение от Лины. Оно пришло семь минут назад.

«Ты ещё в корпусе?»

Максим набрал, что идёт обратно, и почти сразу увидел ответ:

«Поднимись в третью. Только пока ничего здесь не трогай».

Лина стояла возле окна в пустой аудитории. Рядом с ней были преподаватель и женщина со списком, которая принимала практический экзамен. На столе лежала круглая пластина из тёмного дерева с небольшим углублением посередине.

Максим остановился в дверях.

— Что случилось?

Лина повернула голову.

— Помнишь подставку, с которой кружка не соскальзывает?

Он кивнул. Обычный учебный предмет, один из тех, на которых они ещё на первом курсе учились отличать слабое проявление от удобной формы вещи.

Преподаватель положил на пластину пустой бумажный стакан и осторожно наклонил её. Стакан съехал на стол.

— Она работала сегодня утром, — сказала Лина. — Я сама проверяла перед упаковкой. Максим посмотрел на неё, затем на преподавателя.

— Я здесь сегодня не был.

— Знаю, — ответила Лина. — Поэтому и позвала.

Он остался на пороге, пока преподаватель поднимал стакан и выправлял помявшийся край. В комнате было тихо, и от этого особенно отчётливо слышалось, как за стеной передвигают шкаф.

Максим всё ещё не знал, что случилось с брошью. Но теперь у него была хотя бы одна причина перестать вспоминать каждое движение собственной руки.

Глава 4

Вторая вещь

Максим всё-таки попросил разрешения войти.

Преподаватель посмотрел на него так, будто вопрос прозвучал с опозданием, но Лина сразу подвинула к краю стола чистый лист.

— Мы пока ничего не переносили. Поставь сумку у двери.

Он оставил её возле стены и подошёл. На пластине темнел круг от кружки. В углублении застряло несколько синих ниток, а к нижней стороне приклеили новую бирку, подписанную Лениным почерком.

— Из какого шкафа?

— Из ближнего. Сегодня в восемь я сняла её, проверила и понесла сюда. Упаковать не успели: заметили, что стакан больше не держится.

— Сразу заметили?

Лина покачала головой.

— Минут через сорок. Всё это время она лежала здесь. До этого я проверяла в кабинете.

Максим перевернул пластину, придерживая пальцами края, и посмотрел на клеймо. Дерево не было ни треснувшим, ни мокрым. Подставка успела побывать в руках нескольких поколений студентов и теперь казалась слишком простой вещью, чтобы сломаться настолько непонятно.

— А если вернуться с ней обратно?

Преподаватель, который до сих пор молчал, взял со стола свой планшет.

— Я бы сначала хотел услышать, что именно вы собираетесь проверить.

Лина выпрямилась.

— Зависимость от помещения. Мы перенесли вещь из практического кабинета, после чего она перестала работать. Это первое подтверждённое изменение.

— А Верес здесь зачем?

— Он утром обнаружил то же самое с другим предметом.

Максим заметил, как у преподавателя изменилось лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.